

Вопросы теории

ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ И ПОДДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Ю.А. Решетов*

24 сентября 1994 г. США ратифицировали Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Это событие, к которому США шли почти три десятилетия, можно только приветствовать. Ведь конвенция была принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 1965 г. и подписана от имени США еще 28 сентября 1966 г. Все последующие годы влиятельные силы в этой стране препятствовали ее ратификации.

Причины нынешнего решения США довольно очевидны. Наверное, основная из них — осознание того, что самоизоляция США от международного сообщества в таком важном деле, как предотвращение расовой дискриминации, более не может быть терпима и что именно плодотворное сотрудничество с другими государствами в этой сфере международной жизни является одной из гарантий урегулирования опасных региональных конфликтов.

Конвенция — первый многосторонний договор в области прав человека, центральный документ в деле предотвращения расовой дискриминации, участниками которого являются на сегодняшний день большинство государств мира¹. И этот факт несомненно осознан американскими руководителями².

Выступая 11 мая 1994 г. в сенатском комитете по внешнеполитическим делам, заместитель государственного секретаря Дж. Шэттак, отметив опасный характер происходящих в мире расовых и этнических конфликтов, заявил: «Именно поэтому важно, чтобы США поддержали борьбу за ликвидацию всех и любых форм расовой дискриминации в законодательной и политической областях»³.

* Доктор юридических наук, посол Российской Федерации в Исландии. Подробные сведения об авторе опубликованы в № 3 нашего журнала за 1993 год.

Та же мысль звучала и в выступлении советника государственного департамента по юридическим вопросам К.К. Харпера⁴.

Показательно, что представители американского эстеблишмента подчеркивают в первую очередь внешнеполитическую сторону этой ратификации в контексте американского лидерства в области прав человека.

Так, по мнению того же К.К. Харпера, после ратификации американцы, сотрудничая с другими государствами в деле ликвидации расовой дискриминации, «будут способствовать развитию уважения к принципам правового государства и прав человека за рубежом»⁵. По словам Дж. Шэттака, главная для американцев цель ратификации конвенции заключается в том, чтобы иметь лучшие возможности «подтолкнуть другие государства-участники в отношении их обязательств»⁶.

Одна из американских правозащитных организаций в подробном документе о ратификации США конвенции так определяет основные цели этой ратификации: «Она будет способствовать международному лидерству Соединенных Штатов в борьбе с коренной причиной многих этнических конфликтов — расовой дискриминацией» и даже «поощрит другие страны к ратификации этого договора и таким образом повысит эффективность международного режима защиты прав человека»⁷.

Последний аргумент, по нашему мнению, сомнителен, так как подавляющее число государств давно уже ратифицировали конвенцию и принимают участие в ее имплементации. Для сравнения упомянем, что в свое время ратификация Советским Союзом Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах действительно сдвинула с мертвой точки дело присоединения к этим договорам многих государств и вступление их в силу, независимо от причин, которыми руководствовался тогда СССР.

Голоса в США, объективно оценивающие состояние расовых проблем в этой стране применительно к ратификации конвенции, исходят в первую очередь от правозащитных организаций, отстаивающих права цветного населения. Так, в документах одной из них отмечается: «Очевидно, что расовая дискриминация является постоянной чертой американской истории и что расизм глубоко укоренился в ней»⁸.

Взгляд на американское общество, брошенный со стороны посетившим США М. Глеле-Аханханзо, Специальным докладчиком Комиссии ООН по правам человека, по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с этим нетерпимости, подтверждает подобный вывод.

Конечно, в США происходят перемены к лучшему. Специальный докладчик отмечает, что «в процессе международных догово-

ров о правах человека, подписанных правительством Соединенных Штатов в начале 90-х годов, начинаются поиски равновесия между осуществлением внутренних правовых норм и универсально признанных норм в области прав человека, с уделением основного внимания единству прав личности, а именно взаимозависимости и неразрывности гражданских и политических прав и прав экономических, социальных и культурных»⁹.

Положение о равной защите четырнадцатой поправки к Конституции США запрещает любому штату отказывать своим гражданам «в равной для всех защите закона». Это положение обеспечивает защиту главным образом меньшинств и требует, чтобы все люди, «находящиеся в равном положении», пользовались равенством перед законом. Оно также запрещает неоправданные юридические различия между людьми, принадлежащими к разным классам.

Однако положение о равной защите не затрагивает действия федерального правительства. Квалификация федеральным правительством того или иного действия в нарушение положения о равной защите может быть оспорена в соответствии с положением о законном судебном разбирательстве, содержащимся в пятой поправке. Пятая поправка запрещает федеральному правительству отказывать своим гражданам в равной защите законов: «Никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства». Критерии судебного надзора в соответствии с положениями о законном судебном разбирательстве и равной защите закона идентичны¹⁰.

Однако несмотря на официально провозглашенную борьбу с расовой сегрегацией и принятие антидискриминационных законов, по словам Специального докладчика, сохраняются проявления расизма и структурной расовой дискриминации в отношении афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и Азии, американских индейцев, арабов и евреев в экономической и социальной областях; расовая дискриминация при отправлении уголовного правосудия; дискриминационная практика в деятельности полиции и жестокие методы, используемые ею, что проявилось, в частности, в знаменитом деле Роднея Кинга, которое всколыхнуло все Соединенные Штаты и вызвало отклик у международной общественности; участвовавшие случаи разжигания расовой ненависти¹¹.

Он приходит к выводу: «...Расизм и расовая дискриминация остаются актуальными проблемами в американском обществе»¹².

Законов, запрещающих разжигание расовой ненависти и деятельность расистских организаций, не существует в силу неприкосновенности первой поправки к Конституции, которая гарантирует

полную свободу слова и ассоциаций, каким бы ни был характер провозглашаемых намерений и преследуемых целей той или иной ассоциации. У Специального докладчика вызывает озабоченность тот факт, что в своей деятельности расистские организации свободно пользуются средствами массовой информации, распространяя свою пропаганду в радиопередачах и принимая участие в многочисленных телевизионных дебатах»¹³.

Практика американской юриспруденции, базирующаяся на первой поправке к Конституции США и сводящаяся к допущению подстрекательства к расовой дискриминации, если она не сопровождается немедленными насильственными действиями, хорошо известна¹⁴.

А. Сойфер называет подобную практику «дымящимся пистолетом», то есть ситуацией, когда лишь неопровержимые доказательства конкретного расового дискриминационного мотива, который данный истец может непосредственно увязать со своей ситуацией, могут побудить суд признать тот факт, что дискриминация, даже в отношении афроамериканцев, по-прежнему должна приниматься во внимание в судебном разбирательстве¹⁵.

Докладчик Комиссии по правам человека выразил озабоченность в связи с эволюцией взглядов Верховного суда Соединенных Штатов по вопросу о свободе слова. Так, в своем решении по делу Р.А.В. против города Сент-Пол, Миннесота, 60 США 4667 (22 июня 1992 г.) Верховный суд постановил, что сжигание креста как одна из форм запугивания, обычно используемая членами Ку-клукс-клана в отношении афроамериканцев, является формой проявления свободы слова, охраняемой Конституцией¹⁶.

Как указывает один американский исследователь, с учетом терпимости американского общества к разгулу расизма для снижения уровня сегрегации в городах США потребуется от 50 до 70 лет¹⁷.

Сенат США сопроводил ратификацию Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации следующими оговорками:

«1. Конституция и законы Соединенных Штатов содержат далеко идущую защиту индивидуальной свободы слова, выражения мнения и ассоциаций. Соответственно Соединенные Штаты не признают обязательства по конвенции, особенно по статьям 4 и 7 в отношении ограничения этих прав, путем принятия законодательства или любых других мер, в той мере, в какой они защищены Конституцией и законами Соединенных Штатов.

2. Конституция и законы Соединенных Штатов устанавливают далеко идущую защиту против дискриминации, включающую значительные области неправительственной деятельности. Тем не менее частная жизнь и свобода от правительственного вмешательства

также признаны среди основополагающих ценностей, определяющих наше свободное и демократическое общество. Соединенные Штаты полагают, что определение прав, защищенных конвенцией со ссылкой в статье 1 на области «общественной жизни», отражает подобное же различие между сферами общественного поведения, которое обычно является объектом правительственного регулирования, и сферами частного поведения, которые таковыми не являются. В той мере, однако, в которой конвенция призывает к более широкому регулированию частного поведения, Соединенные Штаты не признают обязательства по конвенции принять законодательные или другие меры, предусмотренные в пункте (1) статьи 2, подпункты (1) (с) и (d) статьи 2, статьи 3 и статьи 5 в отношении частного поведения, если это не санкционировано Конституцией и законами Соединенных Штатов...»

Сделана была также оговорка в отношении передачи споров относительно толкования или применения конвенции на решение Международного Суда.

Сенат США сформулировал, наконец, понимание о применимости к конвенции федеральной оговорки и сделал заявление о том, что положения конвенции не являются самоисполнительными.

Упомянутые во второй оговорке положения конвенции касаются мер для «исправления, отмены или аннулирования любых законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечению расовой дискриминации повсюду, где она существует» (ст. 2, п. 1 с), «запрещения расовой дискриминации, проводимой любыми лицами, группами или организациями» (ст. 2, п. 1 d), осуждения расовой сегрегации и апартеида, предупреждения, запрещения и искоренения всякой практики такого характера (ст. 3), запрещения и ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах и обеспечения равноправия каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения (ст. 5).

Важнейшим результатом первой оговорки будет по-прежнему гарантирование по существу свободы выражения ненависти, основанной на расовом превосходстве, и деятельности многих групп, защищенных первой поправкой, если только они не связаны с действиями, представляющими ясную и непосредственную угрозу. Статья 4b требует запрещения организаций, «которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней». Но это не требования установления факта незаконной деятельности или «ясной и непосредственной угрозы»¹⁸.

Что же касается второй оговорки, то положения американского законодательства о разграничении общественного и частного сек-

торов довольно неоднозначны. Так, из сферы действия Акта о гражданских правах 1964 года исключаются предприятия с числом занятых менее 15 человек. Исключения предполагает и Акт о справедливости в области обеспечения жильем¹⁹.

Однако в свете заключения Комитета по ликвидации расовой дискриминации, содержащегося в его годовом отчете за 1978 год, о том, что государства — участники конвенции в своей национальной политике «должны исходить из цели ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах, осуществляется ли она государственными властями, учреждениями или чиновниками или же частными лицами, группами или организациями», и что они «должны запрещать и ликвидировать соответствующими методами акты расовой дискриминации, осуществляемые любым лицом или группой против другого лица или группы», и выраженной им озабоченности в этом отношении в связи с докладами некоторых государств, например Бельгии и Великобритании, представляется ясным, что осуществление США этой оговорки будет означать отход от положений конвенции²⁰.

Надо сказать, что ряд государств-участников в свое время также сделал оговорки и заявления в отношении тех или иных статей конвенции. При этом для них характерна, на наш взгляд, глубокая противоречивость.

Австралия, Австрия, Бельгия, Франция, Италия, Великобритания сделали заявление по статье 4 конвенции.

Показательным является заявление Франции: «В отношении статьи 4 Франция хотела бы уточнить, что она толкует содержащуюся в ней ссылку на принципы Всеобщей декларации прав человека, а также на права, провозглашенные в статье 5 самой конвенции, как освобождающие участников конвенции от обязательств издавать репрессивные положения, не совместимые с правами на свободу убеждений и на свободное выражение их, на свободу мирных собраний и ассоциаций, которые гарантируются этими документами»²¹.

Однако в своем Факультативном заключении от 28 мая 1951 г. по делу «Об оговорках в связи с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» Международный Суд подчеркнул, что «принципы, лежащие в основе конвенции, признаны цивилизованными нациями в качестве обязательных для государств даже при отсутствии договорных обязательств. Было намерение сделать конвенцию универсальной по охвату. Ее цель чисто гуманитарная и цивилизаторская. Договаривающиеся государства не имеют каких-либо индивидуальных преимуществ или неудобств, а также собственных интересов, но только общий интерес. Это приводит к выводу о том, что объект и цель конвенции

предполагают, что в намерение Генеральной Ассамблеи и государств, принявших ее, входило, чтобы как можно больше государств участвовали в ней. Эта цель не будет достигнута, если возражение в отношении малозначительной оговорки приведет к полному ее исключению из конвенции. С другой стороны, договаривающиеся государства не могли иметь намерения пожертвовать самим объектом конвенции в интересах слабой надежды на обеспечение как можно большего числа участников. Следовательно, совместимость оговорки с объектом и целью конвенции является критерием определения отношения государства, делающего оговорку, и государства, возражающего против нее»²².

Можно утверждать, что основные принципы Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации имеют сопоставимую гуманитарную правочеловеческую ценность и столь же обязательный характер, как и основополагающие принципы конвенции против геноцида; поэтому государство, делающее оговорку к конвенции против расовой дискриминации, не может отказаться от принятия на себя обязательств в отношении них.

В 1989 году **Йеменская Арабская Республика** присоединилась к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, сделав при этом оговорку²³.

Против нее как несовместимой с объектом и целями конвенции высказали возражения ряд государств. Анализ этих возражений показателен.

По мнению правительства **Канады**, «принцип недопустимости дискриминации является общепринятым, признан в международном праве и поэтому является обязательным для всех государств». «Цели Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, — как указывается в преамбуле, — состоят в ликвидации расовой дискриминации во всех ее формах и проявлениях»²⁴.

По мнению **Дании, Германии и Швеции**, обязательство запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах относится к числу основных для государств-участников²⁵. Дания, Германия, Швеция подчеркнули необходимость «обеспечения равноправия каждого человека перед законом» без всякой дискриминации²⁶.

По мнению Мексики, в результате принятия йеменской оговорки определенная часть населения была бы подвергнута дискриминации²⁷.

Таким образом, **ликвидация расовой дискриминации является целью конвенции, представляет собой основное обязательство государств-участников**. Оно должно распространяться на все ее формы и проявления и на всех без исключения людей. Недопусти-

мы поэтому исключения из действия этого общеобязательного принципа.

Финляндия в своем возражении подчеркнула недопустимость несоблюдения государством, делающим оговорку, «обязательных для всех норм в отношении прав человека»²⁸.

Общепризнано, что договоры в области защиты прав человека составляют в силу их объекта особую категорию конвенций, что отражается и на решении вопроса о допустимости к ним оговорок. Эти конвенции связывают государства, отражая требования «универсальных принципов справедливости», заключают в себе «абсолютные обязательства»²⁹.

В конечном же счете ими затрагиваются не государства, а люди. Поэтому «оговорка бьет по всем лицам под юрисдикцией делающего оговорку государства... Принцип недискриминации является основополагающим...»³⁰.

Хотя в разделе об оговорках Венской конвенции о праве международных договоров говорится о недопустимости оговорок в случае их несовместимости с объектом и целями договоров (ст. 19 с) применительно ко всем конвенционным документам, существует мнение об особом статусе последних в рамках договорного права. Согласно ему, положение статьи 31 (ч. 3, п. с) об учете при толковании договора любых соответствующих норм международного права имеет в виду принципы международного права в области прав человека³¹.

Вопрос о допустимости оговорок к многосторонним конвенциям связан с вопросом о поддержании и укреплении международного правопорядка.

Международный правопорядок — это та часть международных отношений, которая урегулирована международным правом, реальные международные правоотношения, реальное состояние правовой жизни международного сообщества, международное право в действии, его конкретная реализация и применение. В то же время это совокупность реальных международных правоотношений, отличающихся стабильностью и эффективностью.

Некоторые принципы, институты и нормы старого международного права имели, несомненно, общедемократическую ценность. Решающее значение для становления современного международного правопорядка имели победа над фашизмом в итоге второй мировой войны, а также крах колониальной системы, создание Организации Объединенных Наций, являющейся ключевым инструментом мира и международной безопасности.

Принципы мирных и равноправных взаимоотношений государств играют все большую роль в борьбе за предотвращение угрозы мировой войны, за разрядку международной напряженности, за защиту обще-

человеческих гуманитарных ценностей. Эти принципы имеют свою историю, претерпевают удары под влиянием опасных кровопролитных конфликтов, однако никогда до сих пор заложенные в них положения не определяли в их совокупности в такой степени, как сейчас, характер международных отношений.

Трудно переоценить значение для развития сотрудничества между государствами, построения нового по своему характеру международного сообщества таких принципов, как неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, мирное урегулирование споров, суверенное равенство, равноправие, самоопределение, сотрудничество между государствами, права человека, добросовестное выполнение международных обязательств. Это основные принципы международного права, лежащие в основе международного правопорядка, универсального по самой своей природе.

Эти принципы не являются чем-то застывшим, таким, что может подвергаться каким-то модификациям исключительно во всемирном, так сказать, масштабе. Активная роль этих принципов в поддержании международного правопорядка как раз и проявляется в том, что в борьбе за положительные сдвиги в международной обстановке государства на индивидуальном, групповом и региональном уровнях толкуют и развивают существующие принципы и нормы международного права, создавая на их основе новые нормы.

Укрепление современного международного правопорядка связано с упрочением его юридических основ, повышением его эффективности с учетом, разумеется, особого характера международно-правового регулирования. Одной из основных его особенностей является то, что все государства обладают суверенным равенством, и над ними нет никакой власти, которая на постоянной основе осуществляла бы в принудительном порядке международно-правовые предписания. Это, однако, отнюдь не означает, что они вольны уклоняться от соблюдения требований международной законности.

Понятие **международной законности** наполняет конкретным содержанием основные общеобязательные принципы современного международного правопорядка. Главным условием поддержания и укрепления международного правопорядка является соблюдение государствами принципов и норм международного права.

Применение отдельных принципов, их толкование государствами претерпевают, конечно, значительные изменения. Однако никто не посягает прямо на современный правопорядок, имеющий общедемократический характер, и на лежащие в его основе принципы.

Так, обоснованной критике подвергалось и подвергается узкоэгоистическое толкование принципа невмешательства во внутренние дела государств, имевшие целью вывести из-под сферы обоснованной с точки зрения современного международного права кри-

тики положения с правами человека в тех или иных странах. Вместе с тем критерии этого принципа имеют непреходящее значение для разграничения случаев именно такой допустимой критики и влияния на внутреннюю ситуацию в тех или иных государствах, от актов вмешательства, например под флагом гуманитарной интеграции, граничащих или даже приводящих к лишению соответствующего народа права на самоопределение.

По-прежнему ключевым для эффективного поддержания международного правопорядка является строгое следование положениям принципа добросовестного выполнения международных обязательств, исходящего из их преобладающей силы над предписаниями внутреннего права, приведение в соответствие с международными обязательствами и нормами национального законодательства. Примечательным для современного международного права является то, что процесс кодификации завершается в соответствующих случаях принятием многосторонних договоров универсального характера. Это явление связано и с существованием категории императивных норм общего международного права.

Претерпевает значительные изменения сама концепция универсализма. Постепенно отходят в прошлое довольно-таки схоластические дискуссии относительно того, какое число субъектов международного права в качестве участников той или иной конвенции позволяет рассматривать ее в качестве универсальной. Все больше утверждается обоснованная точка зрения о том, что существуют обязательства, настолько основополагающие для всего международного сообщества, что в случае их разработки и принятия с участием большинства государств они связывают все государства, и в том числе те из них, которые не давали на принятие этих обязательств формального согласия. Такой новый подход к традиционному правилу о том, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров), несомненно, оказывает революционизирующее воздействие на обеспечение и укрепление современного международного правопорядка.

Аналогичный эффект могут иметь и нормы Венской конвенции о праве международных договоров относительно императивных норм общего международного права. Ведь если даже участники договора не признают его ничтожным, он является таковым в силу расхождения с императивной нормой общего международного права.

Приведенное положение относится не только к общему международному правопорядку, но и к отдельным правопорядкам, в частности в области прав человека.

В свое время международно-правовая и дипломатическая практика Советского Союза внесла значительный вклад в дело размы-

вания международного правопорядка, и прежде всего в области прав человека.

Конечно, советские юристы-международники и дипломаты сыграли выдающуюся роль в деле формирования принципов и норм современного международного права. Каковы бы ни были в то время настроения руководителей страны и официальная доктрина, именно благодаря не в последнюю очередь активной творческой работе наших представителей на международных форумах международное право обладает такими качествами и параметрами, которые помогают противодействовать новым и старым угрозам.

Однако на стадии имплементации международно-правовых документов в области прав человека в нашей стране сказывался огромный, присущий системе разрыв между словом и делом, боязнь демократических преобразований в обществе, нежелание идти по пути применения правочеловеческих стандартов. Советский Союз нередко присоединялся к международным конвенциям в области прав человека из пропагандистских соображений. При этом в закрытых документах, готовящихся перед ратификацией, а порой и в средствах массовой информации заявлялось, что такая ратификация не потребует внесения каких-либо изменений во внутреннее законодательство страны. Иными словами, участие в этих документах не должно было что-либо менять во внутреннем правопорядке.

Иногда многосторонние конвенции ратифицировались из прагматических соображений. Так, Международные пакты были ратифицированы СССР, поскольку это давало возможность советской делегации на Общеευропейском совещании соглашаться на включение тех или иных положений в документы Совещания по тематике прав человека.

Это, однако, не помешало широко использовать участие нашей страны в пактах и в целях пропаганды. Результат же, однако, был таков, что участие Советского Союза в этих документах оказалось одним из решающих толчков к осуществлению демократических перемен в нашей стране. Вместе с тем эффект подобной лицемерной ратификации был, несомненно, негативным с точки зрения эффективного выполнения положений тех или иных конвенций в чисто юридическом смысле.

В настоящее время угрозы для международного правопорядка наступают по двум направлениям.

С одной стороны, это попытки практически отказаться от международного права как системы общеобязательных принципов и норм и перейти к ориентации на другие неправовые, и прежде всего политические, категории и принятие практических решений, в отношении которых определяющим является выбор и достижение определенных целей³².

Эта концепция отличается идеологической направленностью, замкнутостью на постулаты определенной группы государств, односторонностью и поэтому размывает основы международного права и складывающегося на его основе международного правопорядка. Нормам международного права отводится при принятии решений роль отсылочных произвольно и в угоду поставленным целям применяемых атрибутов. Достаточно лишь напомнить о ссылке на статью 51 Устава ООН при принятии решений в Совете Безопасности о вооруженной акции против Гаити.

Среди сторонников этого подхода в ходу теория искусственного разделения норм на «умные» и «идиотские»³³, подрывающая сами основы правового регулирования.

Отказавшись по существу от единственно объективных правовых подходов и став пленниками однозначных политических постулатов, они поэтому путаются в оценке конкретных явлений и ситуаций, если последние не вписываются в их идеологические схемы. Это, например, происходит с автором цитируемой книги, когда он заявляет, что нет зависимости между социальной системой государства и положением проживающих в нем меньшинств³⁴. Сделать такой «глубокий» вывод его побудило то, что в Советском Союзе и Югославии много делалось для обеспечения прав национальностей, в то время как некоторые ведущие западные страны попросту не признают факта существования национальных меньшинств.

Хорошо известно, что международный правопорядок впитал в себя некоторые социальные идеи, рожденные в тех или иных национальных правовых системах. В качестве примера можно сослаться на запрещение рабства и работорговли. Кроме того, значительное влияние на правотворчество и правоприменение в рамках международного сообщества оказывают общие принципы и нормы права, которые были разработаны применительно к национальным юридическим системам. Однако международные обязательства государств приобретают для них силу, превалирующую над силой их собственных законов. Поэтому стремление подчинить международный правопорядок идеологическим и эгоистическим целям тех или иных государств, прикрывающихся мессинскими лозунгами, может лишь нанести ему ущерб, а на практике приводит к санкционированию вмешательства, в частности, под флагом всякого рода санкций, не способствующих соблюдению прав человека, а порой и приводящих к отрицательным для них последствиям, и гуманитарной интервенции. Это, разумеется, не относится к случаям, когда государства прибегают к защите своих граждан за рубежом при учете таких критериев, как необходимость, гуманитарные цели операции и пропорциональность, которые, на наш

взгляд, были, например, соблюдены во время операции израильтян при спасении заложников в Уганде в 1976 году.

Выдвижение оговорок к многосторонним конвенциям в области прав человека, несовместимых с объектом и целями этих конвенций, также небезразлично для международного правопорядка в области обеспечения прав человека, поскольку наносит ущерб заложенным в документах основополагающим принципам всеобщего соблюдения и защиты прав человека, предотвращения и пресечения дискриминации во всех ее формах и проявлениях, защиты от нее всех людей. Если до присоединения к этим документам те или иные государства вообще не принимали участия в осуществлении прав человека в той или иной области, то после присоединения к ним с серьезными оговорками они скорее всего, формально являясь участниками соответствующих процедур, будут по-прежнему наносить ущерб режиму эффективного осуществления этих документов.

Однако такая практика лежит в пределах правового поля и функционирования соответствующих принципов, институтов и норм международного права. Поэтому **рычаги правового воздействия на соответствующие государства-участники**, например, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации находятся в руках международного сообщества, государств — участников конвенции и Комитета по ликвидации расовой дискриминации.

¹ К марту 1995 года 143 государства были участниками конвенции.

² См. Strobe Talbot Acting Secretary Department of State. — Letter to Chairman Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. — 1994. — Apr. 26. — P. 1.

³ Statement of J. Shattuck before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. — 1994. — May 11. — P. 1.

⁴ Statement of C.K. Harper before the Senate Foreign Relations Committee. — 1994. — May 11. — P. 2—3.

⁵ Ibid. — P. 2.

⁶ Statement of J. Shattuck. — P. 3.

⁷ US. Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. International Human Rights Law Group. — Wash. — May 1994. — P. 1.

⁸ National Association for the Advancement of colored people Statement before the Foreign relations committee. U.S. Senate. — 1994. — May 11. — P. 15.

⁹ Doc. UN E/CN.4/1995/78/Add.1. — P. 9.

¹⁰ Ibid. — P. 38.

¹¹ Doc. UN E/CN.4/1995/78/Add.1. — P. 3—4.

¹² Ibid. — P. 12.

¹³ Ibid. — P. 42.

¹⁴ См. Решетов Ю.А. Возбуждение национальной вражды в контексте

международного права, зарубежной и российской судебной практики. МЖМП. — 1992. — № 3. — С. 24.

¹⁵ **Soifer A.** On being overly discrete and insular: Involuntary groups and the Anglo-American judicial tradition./The Protection of Minorities and Human Rights/Ed. by Yoram Dinstein and Mala Tabory. — 1992. — P. 2.

¹⁶ Doc. UN E./CN.4/1995/78/Add.1. — P. 43.

¹⁷ **См. Goering J.** Anti-Discrimination Law on the grounds of race in the United States: Enforcement and research concerns New community. — Vol. 20. — N 3. — Apr. 1994. — P. 411—412.

¹⁸ US Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. International Human Rights Law Group. — Wash. — May 1994. — P. 53.

¹⁹ Ibid. — P. 26.

²⁰ Ibid. — P. 23—24.

²¹ Doc. UN CERD/C/60/Rev. 2. — P. 17.

²² Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice 1948—1991//Doc. UN ST/Leg/Ser. F/1. — P. 19.

²³ Dok. UN/CERD/C/60/Rev. 2. — P. 46.

²⁴ Ibid. — P. 33.

²⁵ Ibid. — P. 33, 35, 38.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. — P. 36.

²⁸ Doc. UN/CERD/C/60/Rev. 2. — P. 35.

²⁹ Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties. — Frank Horn. — The Hague, 1988. — P. 153.

³⁰ Ibid. — P. 157.

³¹ US Ratification of the International Convention on the Elimination of all forms of racial discrimination. — May 1994. — P. 23.

³² **Mullerson R.** International Law, Rights and Politics. — L., N.Y., 1994. — P. 43.

³³ Ibid. — P. 53.

³⁴ Ibid. — P. 96.

Статья поступила в редакцию в июле 1995 г.